

12. Запарий В. В. Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2001.
13. Моисеев Г. С. Цветная металлургия Урала (1917–1945 гг.) Екатеринбург, 2003.
14. Мотревич В. П. Экономическая история России. Екатеринбург, 2004.
15. Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. М., 1997.
16. Рукосуев Е. Ю. Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX — начале XX вв. Екатеринбург, 2004.
17. Сапоговская Л. В. Уральская горнозаводская промышленность на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 1993.
18. Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России начала XX в. М., 1990.
19. Тимошенко В. П., Беделъ А. Э. Опыт использования иностранных инвестиций в хозяйственном развитии страны. Екатеринбург, 1997.
20. Тимошенко В. П. Прорыв в новую эпоху? Внешнеэкономические факторы в развитии хозяйства Урала на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 2008.
21. Шацилло К. Ф. Иностранный капитал и военно-морские программы России накануне первой мировой войны // Исторические записки. Т. 69. М., 1963.

И. С. Огоновская,
доцент УрФУ, г. Екатеринбург

**Советско-польские отношения накануне
и в период Второй мировой войны
(по материалам школьных учебников истории)**

Советско-польские отношения переживают в настоящее время не лучшие времена, хотя, казалось бы, за последние два десятилетия сделано немало: опубликованы многие ранее закрытые документы, в России и Польше созданы Центры польско-российского и российско-польского диалога, польской стороне переданы материалы, касающиеся Катынского дела, вышли в свет издания, авторы которых

отказались от существовавших ранее стереотипов в оценке политики советского государства в отношении Польши накануне и в период Второй мировой войны [1; 2; 12; 13; 20; 21; 24]. Вместе с тем можно констатировать, что в отношениях Польши и России по-прежнему большую роль играет прошлое, которое не дает двум странам понастоящему сблизиться. В этом смысле знакомство с содержанием школьных учебников истории, вышедших в 1950–2010-е гг., позволяет понять, какие факторы оказали и до сих пор оказывают существенное влияние на взаимоотношения двух стран.

После советско-польской войны 1920 г., в ходе которой большевикам не удалось советизировать вновь образованное Польское государство и реализовать идею мировой революции, отношения советской России и Польши развивались по наклонной. Как пишет историк Ю. Кантор, Рапалльский договор 1922 г. был особенно опасен для Польши, расположенной между Германией и Советской Россией; Берлинский договор 1926 г. между Германией и СССР еще более усилил угрозу изоляции Польского государства на международной арене; убийство полпреда СССР в Польше П. Л. Войкова стало поводом для советских обвинений польского правительства в попустительстве в вопросе пребывания на территории Речи Посполитой белых эмигрантов; нежелание Польши пропускать через свою территорию советские войска для военной помощи Чехословакии в 1938 г.; стремление Польши «равноудалиться» от Германии и СССР трактовались в Москве как политика «беспринципного лавирования и игры» [12, 112, 120, 127, 155]. В целом можно констатировать, что к концу 1930-х гг. надежды хоть на какое-то сближение СССР и Польши быть не могло. Квинтэссенцией советско-польского противостояния стали пакт Молотова — Риббентропа от 23 августа и договор о дружбе и границах СССР и Германии от 28 сентября 1939 г.

В учебниках по истории, вышедших в послевоенные годы, пакт Молотова — Риббентропа по вполне понятным причинам рассматривался как неизбежность. В учебнике под редакцией Л. В. Шестакова (1955) написано: «Советский Союз был против войны и все время боролся за мир. Поэтому наше правительство заключило с Германией договор о ненападении. По этому договору фашистская Германия не могла напасть на нас» [11, 155]. В учебнике А. М. Панкратовой и ее соавторов (1963) ситуация представлена следующим образом:

«В 1939 году германское правительство предложило правительству СССР заключить пакт о ненападении. СССР принял это предложение... Правильность занятой Советским Союзом позиции вполне подтвердилась дальнейшими событиями» [23, 244]. Коллектив авторов под руководством М. П. Кима (1975) апеллировал к авторитету В. И. Ленина: «Заключая пакт с Германией, наше правительство исходило из указаний В. И. Ленина о необходимости использования острых разногласий между империалистическими державами, чтобы не допустить их сговора и объединения в антисоветских целях... Советский Союз, заключив пакт о ненападении с Германией, избежал войны на два фронта в крайне невыгодных международных условиях и выиграл время для укрепления обороны страны» [14, 16–17]. Ни о каких секретных протоколах к пакту Молотова — Риббентропа в этих учебных изданиях речь не шла.

Факт введения советских войск на территорию Польши не замалчивался, однако трактовался вполне определенно. В. Л. Шестаков и его соавторы в 1950-е гг. объясняли учащимся 4 класса следующее: «В 1938 году Германия начала Вторую мировую войну. Она захватила Чехословакию, а через год напала на Польшу. Беспечное польское правительство не было готово к войне. Польская армия была легко разбита. Сами правители Польши бежали и бросили свою страну на произвол врага. Под властью Польши находились земли Западной Белоруссии и Западной Украины. Страшный враг приближался к ним. Украинцам и белорусам грозила беда. Тогда 17 сентября 1939 года советские войска вступили в *Западную Украину* и *Западную Белоруссию* и взяли под свою защиту их население. Фашистские разбойники остановились и не пошли дальше. Радостно встречали украинцы и белорусы своих спасителей — советских воинов. Путь наших танков забрасывали цветами. Народы Западной Украины и Западной Белоруссии единодушно выразили своё желание войти в состав Советского Союза и воссоединиться с советской Украиной и советской Белоруссией. Так пополнилась дружная семья советских народов» [11, 156].

Группа историков во главе с А. М. Панкратовой в 1960-е гг. характеризовала внешнеполитическую ситуацию более развернуто: «Польская армия не выдержала удара немецко-фашистских войск. Польское буржуазное государство, построенное на угнетении

рабочих и крестьян, на порабощении украинцев, белорусов и других непольских национальностей, развалилось. Советское правительство знало, что рано или поздно гитлеровская Германия нападет на СССР. Поэтому свою важнейшую задачу оно видело в том, чтобы остановить наступавшие немецко-фашистские войска подальше от важнейших жизненных центров СССР. .. 17 сентября 1939 года советские войска перешли границу Польши. Они взяли под свою защиту население Западной Белоруссии и Западной Украины. Трудящиеся Западной Украины и Западной Белоруссии с ликованием встретили свою освободительницу — Советскую Армию» [23, 244]. Авторы учебника 1970-х гг. придерживались той же точки зрения: «На вторжение гитлеровской армии польский народ ответил справедливой антифашистской борьбой за свободу и независимость. Но силы были неравные, к тому же в самое тяжелое для Польши время ее правительство бежало за границу, бросив на произвол судьбы страны. Что же касается военной помощи со стороны Англии и Франции, то эта помощь на поле боя не была оказана... 17 сентября 1939 г. Советское правительство, учитывая сложившуюся обстановку, дало указание Красной Армии перейти границу, чтобы взять под свою защиту жизнь и имущество братских народов западных областей Украины и Белоруссии и укрепить свои западные рубежи. Начался освободительный поход советских войск. Жители городов и сел с великой радостью встречали воинов Красной Армии, выходили навстречу с красными флагами и букетами цветов» [14, 18]. Договор о дружбе и границах от 28 сентября 1939 г. в учебниках В. Л. Шестакова, А. М. Панкратовой, М. П. Кима и других авторов 1950–1970-х гг. не рассматривался.

В учебниках эпохи перестройки события 1939 г. характеризовались достаточно традиционно. Так В. Д. Есаков и его коллеги (1988) писали, что советское правительство пошло на заключение договора о ненападении, «чтобы выиграть время для укрепления обороны страны и сорвать план международной реакции, мечтавшей о создании единого фронта империалистических держав против СССР» [7, 20]. Вместе с тем политические процессы, происходившие в СССР, в частности создание Народных фронтов в Латвии и Эстонии, их требование признать незаконным и аннулировать пакт Молотова — Риббентропа, актуализировали и польскую проблему. Именно в это время впервые появились негативные оценки политики советского

руководства в отношении разыгрывания «польской карты». Коллектив под руководством Ю. И. Кораблева (1989) отмечал, что в ходе переговоров 23 августа 1939 г. Германия и СССР «договорились о судьбе польских земель, что было несправедливо, ибо осуществлялось за спиной польского народа». Здесь же авторы учебника давали оценку договору о дружбе и границах: «В отношениях с Германией Сталин и Молотов переступили границу допустимого и разумного»; комментируя договор о дружбе, «Молотов высказал чудовищную мысль о необходимости примирения с идеологией фашизма». В учебнике цитируется и сам В. М. Молотов: «Не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война “за уничтожение гитлеризма”, прикрываемую фальшивым флагом борьбы за “демократию”» [16, 345].

В июне 1989 г. на I Съезде народных депутатов СССР была создана комиссия по правовой оценке пакта Молотова — Риббентропа и событий вокруг него во главе с А. Н. Яковлевым, которая уже в декабре того же года на II Съезде народных депутатов признала факт существования секретных протоколов к пакту. Эти документы были признаны «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания». Выводы комиссии существенно повлияли на взгляды отечественных историков, в том числе авторов школьных учебников.

В 1990-е гг. негативных оценок пакта и договора о дружбе стало больше. Как писали В. П. Островский и его соавторы (1992), «нечистоплотная политическая игра... привела к тому, что проиграла народы всех стран». Эти же историки с осуждением цитировали сталинскую телеграмму Гитлеру в ответ на его поздравление с 60-летием: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной» [22, 8–9]. А. А. Кредер, автор учебника новейшей истории (1995), уверенно заявлял, что «СССР стал соучастником очередной перекройки карты Восточной Европы, ...оказался среди стран — “поджигателей войны”» [17, 152], что в дальнейшем достаточно трагично отразилось на судьбе историка. А. А. Данилов и Л. Г. Косулина (1995), рассматривая пакт Молотова — Риббентропа и секретные протоколы к нему, подчеркивали мысль о великодержавных устремлениях Сталина, который при помощи договора «значительно отодвинул от

СССР исходные позиции потенциального врага, получил выигрыш во времени для укрепления обороны страны и реальную возможность восстановить Советское государство в границах бывшей Российской империи» [5, 203]. Одновременно с этим в анализируемых нами учебных изданиях 1990-х гг. договор о дружбе и границах не актуализируется. В учебнике В. П. Островского только констатируется факт заключения этого договора [22, 9].

В учебниках 2000-х гг. содержатся различные подходы к описанию событий 1939 г. В одних пакт Молотова — Риббентропа и ввод советских войск в Польшу просто констатируются как факт (без особых комментариев) [15, 126–127; 19, 185; 26, 184, 187]. В других вина СССР сглаживается. К примеру, Н. В. Загладин и Н. А. Симония (2007) пишут, что «...инициаторами курса на подготовку войны были фашистские режимы Германии и Италии», что «лидеры всех стран, как СССР, так и государств Запада, в 1930-е гг. недооценивали опасность фашизма», что «...попытки политиков стран Запада следовать курсу умиротворения Германии, их недоверие к СССР .. подтолкнули Советский Союз к проведению политики, которую У. Черчилль охарактеризовал как «холодно расчетливую» и «в высшей степени реалистичную» [9, 179]. М. Ю. Брандт и его соавторы утверждают: «В 30-е годы в связи с существенными изменениями политической ситуации в мире менялся и внешнеполитический курс СССР. Не найдя поддержки европейских государств по вопросу создания системы коллективной безопасности, СССР был вынужден пойти на союз с главным агрессором — фашистской Германией» [6, 200]. В так называемом президентском учебнике (2009) появился мотив оправдания пакта Молотова — Риббентропа. Авторы учебника пишут, что «у советского правительства в тот момент не было другого выхода, кроме подписания пакта, что признавали и многие западные политические деятели», а также цитируют министра внутренних дел в правительстве Ф. Рузвельта (США) Г. Икеса, который в свое время писал по поводу советско-германского договора: «Мне трудно порицать Россию. Как мне представляется, один Чемберлен виноват» [3, 318]. По сути дела упомянутые авторы оставляют «за кадром» двойную игру советского правительства, которое одновременно вело переговоры с западными демократиями и гитлеровской Германией.

Третьи авторы дают скрытую оценку происходившего через прямое цитирование. Так в учебнике А. А. Данилова (2005) приводится цитата из доклада В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г.: «Оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора» [4, 3]. В четвертой группе учебников дается резко негативная оценка деятельности советского правительства, но таких изданий немного. А. А. Левандовский и Ю. А. Щетинов (2001) пишут: «В нарушение действующих норм международного права 17 сентября 1939 г. советские войска вошли на восточные земли гибнущего под ударами вермахта Польского государства» [18, 230].

Договор о дружбе и границах 1939 г. в ряде изданий 2000-х гг. представлен в виде констатирующего факта без особых оценок [6, 203; 10, 135]. В отдельных учебниках даны минимальные объяснения этому документу со ссылкой на СМИ того периода: «В советской прессе подчеркивалась близость позиций Советского Союза и Германии по основным вопросам международной жизни, утверждалось, что виновниками продолжения войны являются Англия и Франция» [8, 174]

Необходимо отметить, что в отличие от учебников советского периода и 1990-х гг. практически во всех изданиях начала XXI в. есть информация о расстреле польских офицеров в Катыни. Так, А. А. Данилов и А. В. Филиппов (2009) пишут: «Во время польского похода советскими войсками были взяты в плен 450 тыс. польских военнослужащих, в том числе 18,8 тыс. офицеров. По решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. 21 857 офицеров и ряд других арестованных (служивших в полиции, спецслужбах и др.) были расстреляны. Возможно, это решение было связано с наказанием «белополяков» за зверское уничтожение пленных красноармейцев во время и после советско-польской войны 1920 г.: тогда из 130 тыс. советских пленных погибло 60 тыс. человек. Оба преступления до сих пор являются незаживающей раной в отношениях между народами России и Польши» [3, 324–325]. В. С. Измозик и его соавторы расширяют эту информацию, отмечая, что из 450 тыс. «польских военнослужащих, жандармов и всех лиц, захваченных с оружием в руках, большая часть была сразу же распушена по домам», что «более 21 тысячи польских

офицеров, полицейских, чиновников и др. были расстреляны НКВД без вызова арестованных и без предъявления обвинения в районах Катини (около Смоленска), Харькова и Осташкова (около г. Твери), что «первым на этой бумаге поставил “за” и расписался Сталин», что «из присоединенных к СССР в результате сентябрьского похода территорий 388 тыс. поляков были насильно перемещены (депортированы) в Сибирь и Казахстан» [10, 135].

Что касается непосредственно Второй мировой войны, то советско-польские отношения освещаются далее в связи с освобождением Польши. Людям старшего поколения известны факты, изложенные в учебниках: «13 июля [1944 г. — *Авт.*] была освобождена столица Литовской советской республики город Вильнюс. Советские войска полностью освободили Белорусскую ССР, значительную часть Польши, большую часть Литовской советской республики, успешно форсировали Неман и подошли к границам Германии. 27 июля был освобожден Львов — центр Западной Украины. Продолжая стремительное наступление, советские войска заняли всю западную Украину и шли к Варшаве и Кракову, неся свободу братскому польскому народу» [23, 270]; «Активное участие в освободительной борьбе народов Европы против фашистских оккупантов [в движении Сопrotивления. — *Авт.*] принимали бежавшие от гитлеровского плена советские солдаты и офицеры... За свободу польского народа боролись 12 тыс. советских партизан» [14, 79]; «свыше 600 тыс. советских воинов покоятся на польской земле» [7, 102].

Авторы современных учебников, размышляя о цене Победы, также обращаются к статистическим данным и говорят о жертвах, принесенных советскими солдатами в период освобождения Восточной Европы, но конкретных цифр не приводят. В некоторых учебных изданиях отмечается, что в кампании 1944–1945 гг. по освобождению Европы совместно с Красной Армией участвовали войска, сформированные из граждан восточноевропейских стран, в частности I и II армии Войска Польского (около 130 тысяч человек) [8, 220]. Одновременно с этим в отдельных изданиях поднимается вопрос о вине Сталина в подавлении немцами варшавского восстания августа–сентября 1944 г. В. В. Сухов и его соавторы формулируют это так: «Историки расходятся во мнениях по вопросу о том, почему советские войска, находясь рядом, не оказали помощь восставшим.

Есть две точки зрения: они не могли это сделать, потому что были измотаны жестокими боями, или не захотели из политических соображений» [25, 228]. А. А. Левандовский и Ю. А. Щетинов приводят официальную версию событий («наши войска, ...измотанные предшествующими боями, не могли оказать действенной помощи повстанцам») и более развернутое другое мнение по этому поводу («И. В. Сталин сознательно позволил немцам утопить в крови антифашистские выступления варшавян, чтобы не допустить возвращения к власти польского правительства из эмиграции, чьи сторонники организовали это восстание») [18, 230].

В. С. Измозик и его коллеги (2010) представляют иной взгляд на проблему: «Руководители восстания не поставили советское руководство в известность о своих планах. Они стремились закрепиться в Варшаве до вступления в нее советских войск. Войска Красной армии вошли на территорию Польши 20 июля после изнурительных многодневных боев. Часть 1-й армии Войска Польского, входившие в состав 1-го Белорусского фронта, пытались форсировать Вислу, но неудачно. Советские и американские летчики сбрасывали грузы восставшим, но большая их часть попала к немцам. Сталин назвал восстание безрассудной авантюрой. В то же время, когда положение в Варшаве стало безнадежным, руководители восстания запретили полякам пробиваться на восточный берег навстречу советским войскам. 2 октября восстание было подавлено» [10, 220].

Завершая рассмотрение школьных учебников советского и постсоветского времени, можно с полной уверенностью сделать вывод о том, что эти учебные издания в полной мере отражали и отражают идеологию определенного исторического периода и достижения исторической науки. Авторы учебников 2000-х гг. сделали огромный шаг вперед в осмыслении проблемы советско-польских отношений накануне и в период Второй мировой войны. Вместе с тем отдельные страницы этих взаимоотношений требуют дальнейшего пристального рассмотрения.

Список источников и литературы

1. Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. М. : Аспект Пресс, 2010.

2. Галин В. В. Политэкономика войны. Заговор Европы. М. : Алгоритм, 2007.
3. Данилов А. А., Барсенков А. С., Горинов М. М. История России, 1900–1945 гг. 11 кл. : учеб. для общеобр. учр. М. : Просвещение, 2009.
4. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История государства и народов России. XX век. В 2 ч. Ч. 2 : учеб. для 9 кл. общеобр. учр. М. : Дрофа, 2005.
5. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России, XX век : учеб. кн. для 9 кл. общеобр. учр. М. : Просвещение, 1995.
6. Данилов А. А., Косулина Л. Г., Брандт М. Ю. История России, XX — начало XXI века. 9 кл. : учеб. для общеобр. учр. М. : Просвещение, 2010.
7. Есаков В. Д., Кушкин Ю. С., Ненароков А. П. История СССР : учеб. для 10 кл. сред. шк. М. : Просвещение, 1988.
8. Загладин Н. В., Минаков С. Т., Козленко С. И., Петров Ю. А. История России. XX век : учеб. для 9 кл. общеобр. учр. М. : Русское слово, 2010.
9. Загладин Н. В., Симония Н. А. История России и мира в XX — начале XXI века. 11 кл. М. : Русское слово, 2007.
10. Измозик В. С., Журавлева О. Н., Рудник С. Н. История России. 1917–2008 гг. : 9 кл. : учеб. для общеобр. учр. М. : Вентана-Граф, 2010.
11. История СССР. Краткий курс. Учеб. для 4 кл. / Под ред. Л. В. Шестакова. М. : Учпедгиз, 1955.
12. Кантор Ю., Волос М. Треугольник Москва — Варшава — Берлин. Очерки истории советско-польско-германских отношений в 1918–1938 гг. СПб. : Европейский Дом, 2011.
13. Кен О. Н. Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930–1932). СПб. : ПИЯФ, 2003.
14. Ким М. П., Балев В. М., Берхин И. Б., Потемкин П. И. История СССР (1938–1972 гг.) : Учеб. для 10 кл. М. : Просвещение, 1975.
15. Киселев А. Ф., Попов В. П. История России. XX — начало XXI века. 11 класс. Базовый уровень : учеб. для общеобр. учр. М. : Дрофа, 2007.
16. Кораблев Ю. И., Федосов И. А., Борисов Ю. С. История СССР : учеб. для 10 кл. сред. шк. М. : Просвещение, 1989.
17. Кредер А. А. Новейшая история. XX век : учеб. для основной школы. М. : ЦГО, 1995.
18. Левандовский А. А., Щетинов Ю. А. Россия в XX веке : учеб. для 10–11 кл. общеобр. учр. М. : Просвещение, 2001.
19. Левандовский А. А., Щетинов Ю. А., Мироненко С. В. История России, XX — начало XXI века. 11 кл. : учеб. для общеобр. учр. М. : Просвещение, 2009.
20. Мельтюхов М. И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. Серия: Военные тайны XX века. М. : Вече, 2009.
21. Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу 1939–1941 гг. (документы, факты, суждения). М. : Вече, 2002.

22. Островский В. П., Старцев В. И., Старков Б. А., Смирнов Г. М. История Отечества : учеб. для 11 кл. сред. шк. М. : Просвещение, 1992.
23. Панкратова А. М., Базилевич К. В., Бахрушин С. В., Фохт А. В. История СССР : Учеб. для 10 кл. сред. шк. М. : Учпедгиз, 1963.
24. Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия : Сборник статей / Отв. ред. Э. Дурачински, А. Н. Сахаров; Ин-т российской истории РАН; Ин-т истории Польской академии наук. М. : Наука, 2001.
25. Сухов В. В., Морозов А. Ю., Абдуллаев Э. Н. История России, XX — начало XXI века. 9 кл. : учеб. для общеобр. учр. М. : Мнемозина, 2008.
26. Шестаков В. А., Горинов М. М., Вяземский Е. Е. История Отечества, XX век : Учеб. для 9 кл. общеобр. учр. М. : Просвещение, 2001.

И. Д. Панькин,
доцент УрГУФК, г. Челябинск

**Геополитические основания поворота
в советской государственной промышленной политике
на Урале на рубеже 1920-х — 1930-х гг.:
дискурс современных ученых**

В исторической литературе достаточно остро обсуждается проблема перехода Советского государства к модернизации промышленности в конце 1920-х гг. В советской историографии доминировала позиция об экономических факторах, которые лежали в обосновании и реализации этой идеи. При характеристике мотивов перехода к новому этапу промышленной политики мнения современных исследователей принципиально расходятся.

Среди современных исследователей имеется немало сторонников традиционной точки зрения. Д. В. Гаврилов пишет: «Идея Урало-Кузбасса — экономического освоения восточных территорий, широкого комплексного использования огромных естественных богатств Урала и Западной Сибири — не возникла спонтанно, по какому-нибудь “высочайшему” указанию или чьему-то внезапному озарению,